

ПОНЯТИЕ «ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ» ВО ВЗГЛЯДАХ Р.О.ЯКОБСОНА НА КОММУНИКАТИВНУЮ ТЕОРИЮ

Эрико Асадзума

Токио, Япония

Summary: R.Jakobson did not perceive communication as actually being established by simply model of six functions of language mechanically. According to Jakobson, language signs are not based on identity, but on contiguity. Concerning the subject of language, Jakobson does not subscribe to the existence of an absolute subject, but rather he acknowledges the multiplicity of subjects that are revealed in each utterance. Jakobson's aim was to think about how various elements of communication are related, forming a multilayered hierarchical structure.

Введение

Романом Якобсоном (1892-1982) в работе «Лингвистика и поэтика» [Якобсон 1960], основанной на лекции 1956 г., предложены шесть функций речевой коммуникации, а также выделены шесть обязательных факторов коммуникации: адресат, адресант, сообщение, контекст (предмет речи), код и контакт (канал связи). Описана взаимосвязь языковых функций с этими факторами и предложено их схематическое представление, см. рис. 1.

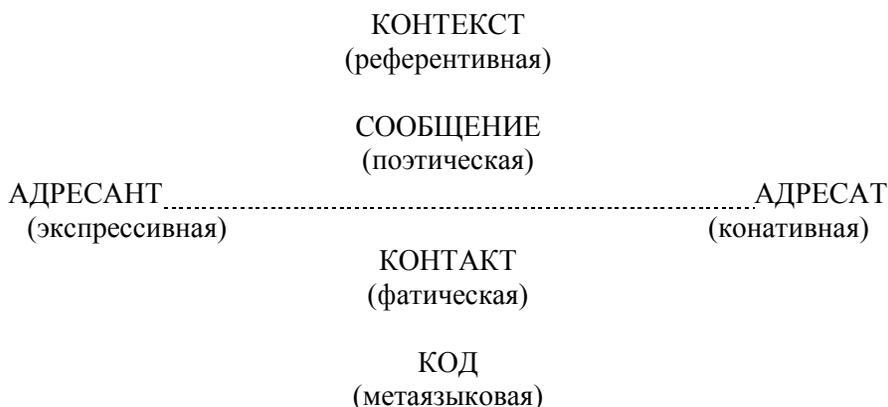

Рис. 1 [Якобсон 1956а: 113]

В 50-е и 60-е годы Якобсон интересовался теорией информации и коммуникации. Хорошо известно, что он ввел в лингвистическую коммуникативную модель термины теории информации, заимствованные у К.Шеннона. При этом он подвергся критике за то, что цитировал упрощенную информационную теорию и пытался получить универсальные правила, которые бы подходили ко всем видам коммуникативного поведе-

ния. Например, его критиковали за то, что он уложил сложные и разнообразные виды коммуникации в одну линейную схему, игнорировал двунаправленный характер коммуникации, а также, согласно принципам структурализма, исключил из коммуникации субъект и временной фактор.

Однако Якобсон предложил свою схему не из структуралистских соображений или из стремления упростить коммуникативную теорию или просто формализовать понятие речи (*parole*). В 1910-х гг. он оказался под влиянием феноменологии Эдмунда Гуссерля и заинтересовался функциональностью языка. Результаты этих исследований проявлялись в работах русских формалистов и Пражского лингвистического кружка. С того времени Якобсон отстаивает важность противопоставления говорящего и слушающего, а также акцентирует, насколько разнообразна в действительности языковая деятельность.

В данной работе в первом разделе исследуются представления Якобсона о понятии кода, а также то, как происходит коммуникация при использовании этого кода. При этом мы обращаем внимание на то, что Якобсон интерпретировал языковые знаки не в терминах их идентичности или различия, а с использованием более гибкого понятия «смежности». Во втором разделе рассматриваются представления Якобсона о языке с позиции субъекта, осуществляющего коммуникацию. Будет показано, что Якобсон, не исключая понятие субъекта, но и не выводя его на первый план, давал ему свою оригинальную интерпретацию. В третьем разделе делается попытка установить связь между сквозным для языковой теории Якобсона понятием «целостности» и теми его взглядами на коммуникацию, которые раскрываются в первом и втором разделах.

1. Децентрализация языка

1.1. Многообразие кодов

Можно ли в целом сказать, что, согласно Якобсону, коммуникация совершается при условии, что адресат успешно декодировал код, полученный от адресанта, опираясь на названные выше шесть функций коммуникации? Правда ли, что в его представлении коммуникация состоит в таком процессе кодирования сообщения говорящим и его декодирования слушающим, когда говорящий преобразует в языковые знаки то, что хочет сказать, а слушающий, подобно обычному переводу, совершает преобразование полученного кода в понятные ему знаки?

Якобсон представлял себе процесс порождения семантики говорящим и слушающим не как механическую операцию. Во-первых, у него нет предположений о том, что существует универсальный код, который гомогенен для всех носителей данного языка. Хотя в названных выше шести функциях код представляется как нечто единое, Якобсон неоднократно упоминает о том, что в действительности существуют субкоды множества других более низких уровней: «Несомненно, что для любого языкового коллектива, для любого говорящего, единство языка существует; однако этот всеобщий код (*over-all code*) представляет собой систему взаимосвязанных субкодов» [Якобсон 1960: 197].

Если считать, что индивиды используют множество разнообразных социальных и индивидуальных кодов, которыми они владеют, то полное согласование кодов говорящего и слушающего должно быть редкостью. Поэтому говорящий строит предположение о коде слушающего и старается добиться взаимопонимания, подстраиваясь под слушающего на основе «стремления говорить, как “другие”» [Якобсон 1938: 95-96]. Якобсон считал, что коммуникация – результат взаимодействия людей, чьи коды различны.

Кстати, Якобсон проводил различие между понятием «кода» и понятием «языка (langue)», которое получило распространение после выхода «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Соссюр ввел понятие «языка» как «статичной однородной системы обязательных правил» [Якобсон 1967: 383], как нечто единое для всех говорящих. Якобсон, напротив, рассматривал социальные и индивидуальные варианты как субкоды, которые образуют иерархическую систему, и называл эту систему «кодом»¹.

Якобсон обратил внимание на то, что в коммуникации говорящий и слушающий эффективно переключаются между множеством кодов, и несколько языковых функций выполняются одновременно в зависимости от ситуации. Он настаивал, что «динамика, взаимодействие субкодов внутри языка в целом, вырастает в один из центральных вопросов лингвистической синхронии» [Якобсон 1958: 104].

1.2. Комбинация – смежность – метонимия

Каким же образом в такой сложной коммуникативной модели, где разные коды, накладываясь друг на друга, образуют многоуровневую систему, говорящий и слушающий достигают взаимопонимания? Согласно Якобсону, ключом к успешной коммуникации является такая характеристика языка, как «смежность»: «Происходит ли обмен сообщениями, или коммуникация осуществляется односторонним образом от адресанта к адресату – для того, чтобы состоялась передача сообщения между участниками речевого акта, должен существовать хотя бы один из видов смежности. Разобщенность между двумя индивидами в пространстве и времени преодолевается путем внутренней связи» [Якобсон 1956b: 33].

Слово «смежность» часто встречается в работах Якобсона, но что же оно означает? Якобсон часто употребляет его в связи с понятиями «комбинация» и «селекция» – двумя базовыми операциями, используемыми при употреблении языка. Согласно Якобсону, «комбинация» основывается на принципе «смежности», а «селекция», соответственно, на сходстве. Якобсон придавал большое значение «селекции» и «комбинации», которые проявляются в процессе порождения сообщения как базовой дихотомии языкового анализа.

---

¹ Кроме того, Якобсон подчеркивал и многоуровневость языковых функций. Хотя в наборе из шести функций коммуникации у Якобсона отражена обособленность этих функций друг от друга, в других работах он подчеркивал пересечение разных функций.

Противопоставление Якобсоном понятий «селекция» и «комбинация» сделано по примеру «ассоциативного» и «синтагматического» рядов Соссюра². Соссюр полагал первый существующим в латентном ряду, сформированным в памяти, а второй – реально присутствующим в текстовом ряду, выраженным в языковой форме. Поддерживая такой взгляд Соссюра, Якобсон более четко перифразировал то, что селекция происходит не в сообщении, а в коде и что комбинация существует либо только в коде и сообщении вместе взятых, либо только в самом сообщении. Однако Якобсон не только разделял эти взгляды Соссюра, но и развил их. Он обнаружил связь таких традиционных понятий риторики, как «метафора» и «метонимия», с «селекцией» и «комбинацией». Иначе говоря, исходя из того, что метафора основывается на таком выразительном средстве, как сходство, а метонимия – на смежности, он указал на то, что метафора и метонимия являются двумя базовыми осями при языковом употреблении.

Одной из причин, по которым Якобсон использовал понятия метафоры и метонимии применительно к языковой теории, является, видимо, то, что он обратил внимание на такую составляющую языка, как «перенос». Говоря, что «сущность поэтических тропов не только в том, чтобы дать тонкий и точный баланс многочисленных отношений, существующих между предметами, но и в том, чтобы эти отношения сместить» [Якобсон 1935b: 331], Якобсон указал на важность «переноса» и, в особенности, обратил внимание на метонимические переносы, основанные на внутренней смежности, наблюдаемой в отношениях «часть – целое» (либо «целое – часть») и причинно-следственных отношениях, а также на временной и пространственной смежности. В данной работе будет рассмотрен вопрос метонимии в рамках подхода Якобсона.

1.3. Смежность в коммуникации – «уход от идентичности к смежности»

Что значит смежность в коммуникации? Якобсон считает, что переносы происходят регулярно в повседневном употреблении языка, подобно тому, как они происходят в поэзии. Говорящий не целиком преобразует в языковые знаки все, что хочет сказать, а выбирает выражения на основе языковой смежности. Кодирование сообщения говорящим имеет разные ограничения: в общем, говорящему приходится согласовывать свой код с кодом слушающего. Бывает, что он не может высказать все, что хочет, из-за того, что не найдено подходящее слово, а также иногда умышленно чего-то недоговаривает до конца. По этой причине говорящему приходится смещать фокус с предмета референции на нечто смежное с ним, и при этом неизбежно создается перенос значения. По мысли Якобсона, такой сдвиг обогащает выразительную сторону языка: «Вариативность значений и особенно разнообразие и широта фигуральных переносов значений, а также возможность бесчисленных перифразировок – это как раз те свойства ес-

---

² Н.В.Крушевский в работе «Очерки науки о языке» в 1883 г. впервые ввел противопоставление «ассоциации по сходству» и «ассоциации по смежности» [Крушевский 1883]. Согласно Э.Холенштайну, Крушевский и Якобсон, говоря о синтагматике, имеют в виду принцип смежности, а Соссюр нет.

тественного языка, которые обуславливают творческую силу языка» [Якобсон 1967: 373].

С другой стороны, слушающий осознает значения, отклоняющиеся от нормы, однако при интерпретации не трансформирует их в свой код в том виде, как они есть, а интерпретирует их с учетом такой неоднозначности. Иначе говоря, слушающий не трансформирует полученное сообщение в отдельные знаковые единицы на основе «полной эквивалентности», а схватывает его как «целое сообщение» [Якобсон 1959: 363].

По мысли Якобсона, означающее и означаемое не составляют совершенную пару. В особенности знаки, обмен которыми происходит при коммуникации, не подвергаются полному кодированию между говорящим и слушающим, а порождаются в каждом речевом акте и имеют ограниченное значение только в данной ситуации. Соссюр считал, что в языке нет ничего, кроме идентичности и различия, для Якобсона же было недостаточно одной идентичности. Говоря, что «кроме непосредственного сознания идентичности знака и объекта (A есть A1), есть необходимость непосредственного сознания неадекватности этого тождества (A не есть A1)» [Якобсон 1934: 118], он подчеркивает присущую языковому знаку «смежность». Говорящий и слушающий понимают друг друга не благодаря идентичности языковых знаков, а благодаря их смежности. Одним словом, говорящий и слушающий оказываются связаны в этом мире посредством «ухода от тождественности к смежности» [Якобсон 1956b: 41]. Поэтому можно сказать, что сбои в коммуникации возникают из-за того, что кодирование и декодирование, производимые говорящим и слушающим, основаны на смежности.

2. Децентрализация субъекта

2.1. Субъект говорящий и субъект слушающий

Из модели шести функций коммуникации можно понять, что в теории коммуникации Якобсона фокус сосредоточен не только на самом языке, а и на внеязыковых факторах. Особо интересно то, что внимание уделяется не только разным языковым субъектам – адресату (говорящему) и адресанту (слушающему), но и различию этих ролей.

В процессе выбора слов говорящий не всегда свободен и не может выбирать лишь те слова, какие хочет. Чтобы слушающий смог понять его, следует выбирать слова из лексического запаса, которым владеют говорящий и слушающий. При помощи вопроса «Вам понятно? Вы понимаете, что я имею в виду?» определяется код собеседника, и затем подбираются слова. При выборе слов говорящий руководствуется не своей волей: «Любой человек, говорящий со своим собеседником, пытается, намеренно или неосознанно, ограничиться именно общим словарем: либо для того, чтобы угодить собеседнику, или просто быть понятым, или, чтобы, наконец, заставить его высказаться, он употребляет термины, понятные для своего адресата» [Якобсон 1956b: 39]. Таким образом, Якобсон подчеркивает не свободу говорящего.

С другой стороны, слушающему тоже недостаточно лишь расшифровывать код говорящего. По мысли Jakobsona, от слушающего требуются способности большие, чем от говорящего. Осознание слушающим слов происходит тогда, когда все единицы уже произнесены говорящим. Осознание предложений происходит тогда, когда произнесены все составляющие их слова. Говорящий изначально имеет смысловое представление и преобразует его в звук, следуя «от значения к звуку». Слушающий же восстанавливает то, что произнесено говорящим, и должен догадываться о значении путем процесса «от звука к значению» [Jakobson 1961: 440].

Слушающий прилагает усилия, чтобы правильно понять сообщение говорящего, однако возможны случаи, когда он либо неспособен понять код, либо додумывает значение, которого нет в коде, либо же допускает умозрительные допущения. Слушающий является не пассивным, а активным интерпретатором. Значение определяется не говорящим, а слушающим.

Говоря о том, что «интересной лингвистической задачей <...> является точное сравнение более высокой, как правило, языковой компетенции индивида в роли слушающего с более низкой языковой компетенцией того же индивида в роли говорящего» [Jakobson 1967: 382], Jakobson вводит противопоставление их ролей и придает значение исследованию этого противопоставления. В отличие от Соссюра, который отправляется от сознания «говорящего субъекта», Jakobson обращает внимание на роль в коммуникации слушающего, т.е. «слушающего субъекта».

2.2. Отклонение субъекта

Позиция Jakobsona, когда он придает слушающему большее значение, чем говорящему, проявляется и в его отношении к метафорическим и метонимическим выражениям в художественной литературе. В названной выше работе «Заметки о прозе поэта Пастернака» Jakobson называет Маяковского выдающимся «метафорическим» поэтом, а Пастернака – «метонимическим»³. Согласно Jakobsonу, в произведениях Маяковского мир поэтических образов расширяется за счет того, что он использует оригинальные метафорические приемы на основе сходства и противоположности. Лирический импульс «задается “я” (“мной”) поэта. В метафорической поэзии образы внешнего мира должны резонировать этому первоначальному импульсу, переносить его в другие планы, устанавливать сеть соответствий и императивных подобий в многомерном космосе» [Jakobson 1935b: 328]. По существу, особенностью богатых метафорическими выражениями стихов Маяковского является то, что в них «я» на первом плане, а все остальное – тема и ситуация – лишь придаток к этому «я».

С другой стороны, Пастернаком в стихах и прозе свободно используются метонимические выражения, основанные на ассоциативной смежности. В отличие от выражений, основанных на метафоре, «в пастернаков-

---

³ По указанию М.Л.Гаспарова [Гаспаров 1997: 406-409], у Маяковского и Пастернака общее число тропов примерно одинаково. Гаспаров заключил, что Jakobson преувеличил метонимичность у Пастернака.

ском лиризме образы внешнего окружения оказываются отброшенными бликами, метонимическими выражениями лирического «я» [Якобсон 1935b: 329]. То поднимают мятеж, то выражают ликование уже не герои, но окружающие вещи. «Я» отодвигается на задний план при помощи такого приема, как упоминание какого-нибудь рода деятельности вместо самого действующего, какого-то состояния, выражения или свойства, присущего личности, вместо нее самой. Например, в строке Пастернака «вокзал, Москва плясали... по насыпи» наблюдатель находится в движущемся поезде, но взгляд на ситуацию смещается, и «я» уходит в тень. Подобным образом Пастернак часто замещает метонимически местоимение первого лица «я» окружающими предметами и пейзажем. Якобсон хочет подчеркнуть, что «активный герой остается абсолютно внешним, он ускользает из поэтического мифа Пастернака» [Якобсон 1935b: 335], т.е. что субъект находится извне.

Поздний Якобсон, судя по беседам с его женой, прямо говорил, что «ассоциация по сходству, метафорическая поступь, открыто привлекала внимание как художественное вмешательство», а «метонимический ход повествования <...> представлялся чем-то более пассивным, зависимым скорее от передаваемой обстановки, чем от творческой воли автора» [Якобсон 1980: 99]. Якобсон через свой взгляд на метафору и метонимию затрагивает проблему языкового субъекта.

2.3. Перемещение фокуса восприятия

Нужно сказать, что Якобсон указал на отклонение субъекта при метонимии не для разработки языковой теории, основанной на отсутствии или элиминации субъекта. Причина этого в том, что Якобсон гораздо большее значение придает метонимии, чем метафоре, и уделяет больше внимания роли субъекта в метонимии. При порождении метонимического значения роль субъекта оказывается как бы наблюдаемой со стороны, субъект избегает центральной позиции. И в стихах, и в прозе фокус, направленный от главного героя или рассказчика, во время чтения перемещается к читающему. Согласно Якобсону, невозможен эгоцентричный взгляд, закрепленный главным героем или рассказчиком. Субъект всегда перемещается к воспринимающему текст читателю. В таких метонимических выражениях читатель освобождается от абсолютного субъекта в виде главного героя или рассказчика и начинает воспринимать живое изображенное с разных углов зрения по-разному в каждой отдельной ситуации. Метонимия, опираясь на смежность, не только расширяет значение, но и позволяет читателю воспринимать все с нефиксируемого, подвижного взгляда.

Якобсон обнаружил в метонимии эту децентрализованную роль субъекта, и этот же подход наблюдается в его коммуникативной теории. Это хорошо заметно в статье 1957 г. «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». Шифтерами называются слова, которые меняют свое значение вместе с ситуацией, в которой они используются, например «сейчас», «здесь», «я». Референт впервые проявляется, когда такие шифтеры произносятся. Например, русское личное местоимение «я» означает говорящего, «ты» означает второе лицо, т.е. слушающего. Оба местоимения имеют до-

вольно общее значение, но в действительности и «я», и «ты» в каждом случае означают разные лица. Шифтеры при каждом текстовом употреблении освобождаются от символического значения и приобретают референциальное значение, ограниченное данным случаем. В названной статье Якобсон подчеркивал важность анализа сообщения с учетом конкретной ситуации. А именно, обратив внимание на совпадение кода и сообщения, он говорит, что «знак “я” не может обозначать свой объект, не “находясь с ним в реальной связи”» [Якобсон 1957: 97]. Якобсон подтвердил неотделимость кода от сообщения и на примере шифтеров и показал, что слово способно смещать свое значение в связи с реальным миром.

Однако у Якобсона не говорится о прагматическом аспекте, когда значение слова изменяется в зависимости от контекста, в котором оно употреблено. Каждый раз, когда говорящий и слушающий меняются ролями, когда переключается субъект, взгляд также сдвигается. «Я» передает «мой» взгляд на «здесь» и «сейчас». Если «я» превращается из слушающего в говорящего, то контекст сдвигается соответственно взгляду следующего говорящего. «Я» – это не абсолют, а подвижная, переменчивая субстанция. Согласно Якобсону, детям, которые находятся в процессе усвоения языка, нелегко употреблять местоимение «я», которое способно переключаться с одного говорящего на другого. «Не смей называть себя “я”. Только я это я, а ты только ты» [Якобсон 1957: 98] – таким образом дети стремятся монополизировать личное местоимение первого лица. Дети не способны осознать существование других людей и оказываются захвачены эгоцентричным взглядом. Однако, научившись употреблять местоимение первого лица «я», которое часто меняется, дети становятся способны воспринимать себя относительно. Иными словами, Якобсон хотел сказать, что шифтеры не могут функционировать без наличия слушающего субъекта, они выполняют роль децентрализации в языке, устраняя абсолютный, фиксированный взгляд.

Кроме того, говорящий и слушающий, освобожденные от эгоцентричного взгляда, избавляются от «зависимости от *hic et nunc*, т.е. от непосредственно данной временной и пространственной обстановки» [Якобсон 1980: 59] и становятся способными испытывать ситуацию, время и пространство, о которых рассказывается. Говорящий становится способен говорить о том, что происходит во времени и месте, отличном от того, где он сам находится, а слушающий способен переместиться в эту пространственно-временную точку. Говоря, что «основная сила языка <...> состоит в том, что язык способен переносить нас во времени и пространстве» [Якобсон 1980: 54], Якобсон обращает внимание на пространственно-временной динамизм, расширяемый языком.

3. Целостность без центра. Вместо заключения

Слушающий не переводит по одному отдельные знаки, из которых состоит сообщение, а понимает «одно целое сообщение» (либо целый речевой акт), воспроизводя все то, что сказано говорящим. «Целостное сообщение», о котором говорит Якобсон, – это не просто совокупность отдельных

знаков, оно превосходит сумму всех знаков. Значение локализовано не в знаке – по Jakobsonу, оно находится во всем сообщении целиком.

Что касается субъекта, порождающего сообщение, то в фокус попадает не какая-то отдельная часть некоторой абсолютной сущности под названием «говорящий субъект», а по очереди проявляется множество разных субъектов, в то время как говорящий и слушающий, общаясь, меняются ролями. Говорящий говорит не монологично с эгоцентричной позиции, он имеет опыт и слушающего, и то, что он будет говорить, когда наступит его очередь, зависит от услышанного им. Неверно, что один говорящий как субъект формирует акт коммуникации. Коммуникация совершается посредством обоюдного обмена говорящим и слушающим своими ролями. Jakobson понимал коммуникативный акт как иерархически организованное целое, где переплетены говорящий и слушающий субъекты.

В общем, в языковой теории Jakobsonа есть стремление к целостному пониманию языковых явлений без выделения какого-то одного центра. Например, в работе «Принципы исторической фонологии», посвященной языковым изменениям, Jakobson говорит, что «фонологический факт она (фонология – Э.А.) рассматривает как целое, которое входит в качестве части в состав других целых, которые в свою очередь являются частями еще более высшего порядка, и т.д.» [Jakobson 1949: 117], он не воспринимает частичные фонетические изменения каждое по отдельности, а с начала и до конца подчеркивает необходимость учитывать то, как система в целом подвергается изменениям. В таком понимании заключено понятие языковой системы и структуры, основанное на взаимосвязи между частью и целым. В общем, когда Jakobson анализирует языковую систему или структуру подобным образом, он часто прибегает к понятию «целостности». Касательно языковой структуры Jakobson говорит, что «беспримерная эффективность языка коренится в последовательном наложении нескольких взаимосвязанных уровней, каждый из которых особым образом структурирован» [Jakobson 1972: 314], и считает язык не завершенной структурой, а «изменчивой», динамической иерархической структурой⁴. Взгляд Jakobsonа на языковую структуру основывается на «многоэтажной иерархии целого и частей» [Jakobson 1963: 302].

Для Jakobsonа всегда было актуально его оригинальное понятие «целостности», благодаря чему, когда он говорит о коммуникации, он вводит понятие «децентрализации» и в языке, и в субъекте⁵. Jakobson считал коммуникативную структуру «целым речевым событием» [Jakobson 1963: 302], иерархическую целостность которого составляют различные факторы. В этой работе обсуждались только проблемы, связанные с кодом, говорящим и слушающим субъектом, но в коммуникации такие шесть фак-

---

⁴ В другой нашей статье [Асадзума 2007] рассматривается понятие «целостности», которое отличается от понятия «структуры» через анализ взглядов на «языковой союз» Jakobsonа.

⁵ По мнению Р.Шлайфера [Шлайфер 1997], понятию «целостности» Jakobsonа оказываются близки понятие «ауры» у В.Беньямина и понятие «жанра» у М.Бахтина.

торов, как адресат, адресант, сообщение, контекст, код и контакт, не являются единственными, им подчинено множество единиц более низких уровней, которые органично связаны и образуют единое «целое». Яacobсон не выделяет среди множества этих факторов какой-то один как доминирующий, а рассматривает процесс порождения коммуникативного акта в его целостности, как пересечение множества факторов.

Однако «целостность», о которой говорит Яacobсон, основывается не на противопоставлении составляющих частей и целого, тогда как в герменевтическом кругу части понимаются из целого, а целое понимается из частей. Касательно коммуникации он выделяет повторяемость неповторяемого (слово, повторенное второй раз, уже не идентично первому разу), он намечает понятие «целостности», не сводимое к понятию «структуры». «Речевое событие» ограничено тем моментом, когда оно происходит. И для говорящего, и для слушающего это всегда первое и последнее такое событие, но, несмотря на это, говорящий и слушающий понимают друг друга, и все благодаря тому, что «речевое событие» воспринимается целиком в силу языковой децентрализации. Разные факторы в языке не имеют фиксированного центрального положения, а способны действовать на периферии.

Яacobсона считают одним из основателей структуралистского направления, однако он не стремился абстрагироваться от конкретных языковых явлений, уделяя пристальное внимание установлению связей, или построить одну завершённую языковую систему, из которой исключен субъект. Он считал, что в коммуникации образуются на разных уровнях многоэтажные иерархические отношения. И из теории коммуникации стало понятно, что «язык не может быть интерпретирован как изолированное и герметически закрытое целое, а должен рассматриваться одновременно и как целое, и как часть» [Яacobсон 1963: 303]⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Асадзума 2007 – *Асадзума Э.* О взглядах Яacobсона на «языковой союз»: «Целое» в языке // *Bulletin of the Japan association for the study of Russian language and literature.* No. 39, Tokyo, Japan, 2007 (на японском языке).
- Bühler K.* Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart, 1934.
- Гаспаров 1997 – *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Т. II. О стихах. М., 1997.
- Крушевский 1883 – *Крушевский Н.В.* Избранные работы по языкознанию. М., 1998.
- Падучева Е.В.* Лексика поэзии и поэзия лексики // Роман Яacobсон. Тексты, документы, исследования. М., 1999.
- Ricœur P.* La métaphore vive. Paris, 1975.
- Соссюр 1916 – *Де Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.

---

⁶ Автор благодарит А.Костыркина за помощь, оказанную при переводе статьи на русский язык.

- Holenstein Elmar.* Jakobson ou le structuralisme phenomenologique. Paris, 1975.
- Holenstein Elmar.* Linguistik, Semiotik, Hermeneutik. Frankfurt am Main, 1975.
- Шлайфер 1997 – *Шлайфер Р.* Обобщающая эстетика жанра: Бахтин, Якобсон, Беньямин // Вопросы литературы. М., 1997.
- Якобсон 1921 – *Якобсон Р.О.* Новейшая русская поэзия // Работы по поэтике. М., 1987.
- Якобсон 1933 – *Якобсон Р.О.* Упадок кино? // Язык и бессознательное. М., 1996.
- Якобсон 1934 – *Якобсон Р.О.* Что такое поэзия? // Язык и бессознательное. М., 1996.
- Якобсон 1935а – *Якобсон Р.О.* Доминанта // Язык и бессознательное. М., 1996.
- Якобсон 1935б – *Якобсон Р.О.* Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике. М., 1987.
- Якобсон 1938 – *Якобсон Р.О.* О теории фонологических союзов между языками // Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1949 – *Якобсон Р.О.* Принципы исторической фонологии // Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1956а – *Jakobson R.O.* Metalanguage as a linguistic problem. // Jakobson, Roman. Selected Writings, VII. Berlin, 1985.
- Якобсон 1956б – *Якобсон Р.О.* Два вида афатических нарушений и два полюса языка // Язык и бессознательное. М., 1996.
- Якобсон 1957 – *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Якобсон 1958 – *Якобсон Р.О.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Якобсон 1959 – *Якобсон Р.О.* О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1960 – *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Якобсон 1961 – *Якобсон Р.О.* Лингвистика и теория связи // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М., 1965.
- Якобсон 1963 – *Якобсон Р.О.* Часть и целое в языке // Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1967 – *Якобсон Р.О.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1972 – *Якобсон Р.О.* Речевая коммуникация // Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1980 – *Якобсон Р.О., Поморска К.П.* Беседы. Иерусалим, 1982.